

<i>Семантическая вертикаль топонима</i>	
Концептуальное ядро	<ul style="list-style-type: none"> – общая категориальная семантика имени – частная категориальная семантика – частная характеризующая и индивидуализирующая семантика
Прагматическая зона	<ul style="list-style-type: none"> – эмотивный компонент – фреймовый компонент – коннотации <p>-----</p> <ul style="list-style-type: none"> – ассоциативный фон
Синтактическая зона	<p>полевая проекция:</p> <ul style="list-style-type: none"> – место в виртуальном семантическом поле – актуальные корреляции семантического поля
<i>Семантическая горизонталь топонима</i>	
Диапазон «семантического рассеивания»	<ul style="list-style-type: none"> – «самоцитирование» кода (изменение частной характеризующей семантики) – переход в другие ономастические коды (изменение частной категориальной семантики) – переход в апеллятивную лексику (изменение общей категориальной семантики) – дублирование общеязыкового имени другими культурными кодами (приобретение именем культурных коннотаций)

Л.М. Дмитриева

РУССКАЯ ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕНТАЛЬНОЕ БЫТИЕ

Развитие науки характеризуется диалектическим взаимодействием двух противоположных процессов – дифференциацией и интеграцией. Процесс интеграции – объединение, взаимопроникновение, синтез наук и научных дисциплин, объединение их и их методов в единое целое, стирание граней между ними. Это особенно характерно для современной науки, где сегодня бурно развиваются такие синтетические области научного знания, как кибернетика, синергетика, строятся такие интегративные картины мира, как естественно-научная, общенаучная, философская.

Взаимодействие различных наук является и примечательной особенностью языкознания конца XX – начала XXI в., поскольку лингвистика при изучении языковых систем также не может ограничиваться только рамками собственно языкового подхода. Поворот от анализа языковой системы как самостоятельной сущности к человеку говорящему обусловлен положением, что «отправной точкой теоретической и практической деятельности человека является антропоцентризм»¹.

Актуализация антропоориентированных исследований в современной лингвистике дает возможность обратиться к изучению языковой личности, языковой картины мира и языковой системы в их взаимосвязи. В настоящее время можно выделить несколько общих положений, которыми характеризуется лингвистическая теория в связи с ее ориентацией на когнитивные установки. Прежде всего это вопрос об отношении новой научной парадигмы к основным идеям, сформулированным в рамках структурной лингвистики.

¹ См.: Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. С.18.

Проблема системности, столь характерная для структурной теории, и сегодня сохраняет свое значение, равно как и многие понятия, например парадигматические и синтагматические отношения, конкретизирующие идею системности языка в различных областях языкового знания. «Едва ли будет преувеличением, если мы скажем, что наиболее важным показателем зрелости науки является состояние ее систематической теории, которая состоит из определенного вида обобщенной концептуальной схемы, практически используемой в той или иной области, а также включает различные виды и степени логической интеграции составляющих ее элементов, и способы, посредством которых эта система действительно может применяться в эмпирическом исследовании»¹. Основная проблема лингвистического описания – «обнаружить принципиальную модель (pattern) языка, его структурную схему, представляющую разнородные языковые факты как системные»².

Современные тенденции лингвистических исследований позволяют полнее осмыслить содержание и различных *ономастических* понятий, в их числе понятие *топонимической системы*. На фоне стремительного развития языковедческой науки, по мнению некоторых исследователей, «русская ономастика как самостоятельная лингвистическая дисциплина остается в основном в рамках традиционно-описательной лингвистики; видимо, этим и объясняется ее экстенсивное изучение: впечатляющее накопление эмпирического материала вне системного уяснения его места в языке и речи, без определения онтологической сущности ономастической подсистемы в ее антропоцентрическом осмыслении с точки зрения этно-, психо-, социо-, прагмалингвистики и других аспектов теории речевого общения»³.

На современном этапе перед топонимической наукой открываются дополнительные перспективы благодаря обращению к когнитивным аспектам языка. Но это не значит, что когнитивные установки полностью перечеркивают результаты, полученные в рамках прежней теоретической парадигмы. Теория топонимической системы, представляющая собой важное приобретение структурной лингвистики, показывает «высокую степень совместимости с когнитивными целями». Если одной из центральных проблем когнитивного подхода к языку является изучение структуры представления знаний, то идея топонимической системы, топонимической картины мира, ее функционально-временной и функционально-пространственной параметризации вписывается в эту парадигму.

Исследование топонимической системы в 1960–1980-е гг. явилось неким «связующим» звеном, необходимым для понимания сущности топонимических процессов и топонимической ситуации, а также особенностей функционирования топонимов в ряду с основными параметрами генетического и функционального аспектов. Специфика системного подхода состоит в том, что он направлен на изучение объекта в целом и во взаимоотношении его элементов, на выявление связей между элементами системы, на описание объекта именно в том ракурсе, в каком он представляет систему. «В системе все взаимосвязано; в отношении языковой системы это правильно в такой же мере, как и в отношении всех других систем. Принцип этот, провозглашенный Ф. де Соссюром, сохраняет для нас свое значение...»⁴. Построение топонимических систем соответствует следующим принципам (исследования И.А. Воробьевой, Ю.А. Карпенко, А.В. Суперанской, Г.В. Глинских, В.Н. Топорова, Н.Н. Мамонтовой, И.И. Муллонен, Е.Л. Березович и

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 381.

² Успенский Б.А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // Избр. тр. М., 1996. Т. 3. С. 58–59.

³ Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. С. 4.

⁴ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1995. С. 28.

др.): целостность системы, дифференциация элементов системы, соотносимость и взаимодействие различных элементов системы, экстралингвистическая обоснованность элементов системы. В широком смысле топонимическая система понимается как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенное единство. В концепции И.А. Воробьевой топонимическая система рассматривается как «совокупность топонимов определенной территории, связанных парадигматическими и синтагматическими отношениями», «совокупность топонимов, организованных в единое целое для наиболее оптимального выполнения ими дифференцирующей и идентифицирующей функций»¹.

Под термином «топонимическая система» понимаются, во-первых, *все наименования* той или иной территории; во-вторых, система рассматривается как совокупность *отдельных* видов топонимов – гидронимов, ойконимов и др., ряды топонимов, соотносенные по какому-либо *структурному* или *семантическому* признаку. Однако не всегда, как замечает Г.В. Глинских, указывается, в чем проявляется эта системность: «...системные отношения между лингвистическими единицами, функционирующими в языке, переносятся на топонимический материал, что вполне вероятно и закономерно, но интерпретируются как специфические связи, создающие особую, топонимическую системность»².

Принимая тезис, что определенное единство системы образуется общностью территории, времени и языка, следует признать также, что признак, позволяющий объединить все топонимы без исключения, очевидно, необходимо искать за пределами языковой системы. Таким объединяющим началом, с нашей точки зрения, является ментальный компонент, поскольку *онтологическое бытие топонимической системы неизбежно смыкается с ее ментальным существованием*. Базовым методологическим основанием тому могут служить современные философские концепции. «Внешнее существование» бытия системы фиксируется при помощи его осмысления и присвоения субъектом, или «интерферентом» – в когнитивистской терминологической парадигме. В свете сказанного можно констатировать, что топонимическая система как часть общей языковой системы существует в сознании носителей языка, и этим фактом мотивируется рассмотрение ее ментального бытия, а значит, изучения когнитивных структур ее организации.

Форма топонимической единицы может быть представлена через ментальные категории, поскольку когнитивная структура производного слова коррелирует с его словообразовательной моделью, являющейся тем каркасом, той прототипической конструкцией, которая затем наполняется конкретным лексическим содержанием. Учитывая при данном подходе центральную позицию активного человеческого сознания, мы ориентируемся на процесс создания слова и анализ всего комплекса связанных с этим процессов и условий. Еще один аспект связан с тем, что, существуя в практически-действенной форме, номинация погружена в процессы коммуникации, что вызывает потребности в более широком привлечении к ее интерпретации тех прагматических показателей, которые определяют протекание номинативной деятельности в разных речевых режимах. Таким образом, становится очевидной необходимость изучения топонимической системы в когнитивно-прагматическом аспекте, который предполагает *взгляд на топонимию*

¹ Воробьева И.А. Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976. С. 3–11; Она же. Системный подход в топонимике и истории // Языки и топонимия. Вып. 2. Томск, 1976. С. 190–199.

² Глинских Г.В. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С.44.

с позиции человеческого сознания, учитывает связь речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового сознания, с прагматическими установками.

Региональная топонимическая система в этом плане, являясь подсистемой в рамках общеязыковой системы, с одной стороны – компонент более объемной топонимической системы, с другой стороны, может быть рассмотрена в ракурсе фрагментов и уровней языковой картины мира, которая формируется из множества взаимосвязанных компонентов. Языковая картина, специфический результат познавательной и отражающей деятельности сознания в целом, концептуального мира человека, опосредованный знаниями языка, его единиц, правил и содержанием его форм, выступает как часть и глубинный пласт (если учесть степень влияния на становление концептуальной картины мира знаний, облеченных в языковую форму) концептуальной, включающей те ее компоненты, с которыми соотнесены языковые знаки. Поэтому языковая картина мира предстает как знание, зафиксированное в содержании языковых форм и конвенциональных способах их выражения, как своеобразная система членения мира и форма его категоризации. Деятельность по познанию действительности также связана с языковым сознанием, поскольку окружающая действительность отражается в нем через ментальные концепты и понятийные вербализованные конструкторы. Поэтому познание сопровождается двумя факторами, связанными с языком, – категоризацией и ассоциированием. Будучи по существу явлением логического и психологического порядка, категоризация определяет включение фиксируемой понятием реалии в систему языка, а ассоциирование – его закрепление в ней. Категоризация, обеспечивая классификацию понятий, дает нам классификацию картины мира. Это делает язык инструментом познания и средством коммуникации. Установление посредством ассоциирования связи понятий открывает возможности для фиксации старыми языковыми средствами нового идеального содержания. При рассмотрении ментального бытия топонимической системы представляется целесообразным введение понятия *топонимическая картина мира*.

Обладая специфическими особенностями и в то же время основываясь на общепринятых представлениях, воззрениях на действительность, топонимическая картина мира включается в общую картину мира как ее неотъемлемая часть. Топонимическая картина мира, отражая определенное, индивидуальное видение мира, представляет *модель реальной действительности*, которая имеет временные и пространственные характеристики. *Пространственная реальность, представленная в языковом сознании и оформленная как концепт «место» (во всех модификациях пространственной ориентации) и может быть интерпретирована как топонимическая картина мира.*

Наиболее значимое место в топонимической картине мира занимает категория *пространства*, поскольку эта категория является «базовой, фундаментальной в отношениях человека и реальной действительности». Концепт «пространство» является доминирующим и основополагающим в топонимической картине мира как фрагменте сознания топонимической личности, его ментальная репрезентация и языковое воплощение. Наиболее фундаментальными отношениями, с которыми в первую очередь сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность, являются пространственные отношения, составляющие базовую, ядерную часть не только топонимической картины мира, но и концептуальной системы личности в целом. «Пространственно-временное ориентирование человека есть практически физический закон существования любого объекта, и естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и пространственное существование предметов и фактов»¹.

¹ Колишанский Г.В. Указ. соч. С. 90.

Пространственный концепт как категорию выделяют Г.В. Колшанский, Е.С. Яковлева и некоторые другие исследователи¹. По мнению Е.Л. Березович², система базовых параметров описания пространства включает в себя следующие показатели: 1) локализация объекта; 2) охват местности; 3) протяженность; 4) обжитость пространства. Можно считать, что реальное физическое пространство не соотносится прямо ни с одной языковой категорией. При восприятии внешнего мира с точки зрения его пространственной характеристики предмет выступает как обособленная в пространстве вещь во взаимосвязи своих свойств. Восприятие пространственных свойств и отношений вещей, или вещей в их пространственных свойствах и отношениях, осуществляется благодаря тому, что восприятие включает чувственный анализ и синтез, дифференцировку раздражителей и объединение их связями в единое целое. Представляемое в топонимических названиях пространство является неоднородным с точки зрения субъекта, воспринимающего мир сквозь призму ценностей своей жизнедеятельности. Именно ценностный фактор³ определяет построение пространственных моделей, изоморфную организацию топонимической системы.

Жизненно-актуальный, или бытийно-ценностный, уровень пространства характеризуется целостностью, континуальностью, высокой степенью плотности топонимии, а также ценностно-ориентированным принципом построения; разворачивается преимущественно центрбежно. Второй, периферийный, уровень пространства организуется бытийным типом познания. Здесь воспринимающий субъект в меньшей степени искажает своё восприятие в соответствии с потребностями, он остаётся в каком-то смысле независим от воспринимаемого. Человек стремится оставаться погруженным в созерцание или пассивное наблюдение. Предположительно, это зона сосредоточения эстетических и духовных устремлений личности. Топонимическая и, шире, языковая система также являются одним из фундаментальных факторов, структурирующих пространство в сознании топонимической личности. Именно топонимическая система предопределяет существование бытийного квазипространства (термин Е.С. Яковлевой). Это умозрительное пространство, характеризующееся отсутствием протяженности, пространственной несоединённости между объектами, ассоциативным путем развёртывания.

Будучи связана с пространственным концептом, топонимическая картина мира имеет *территориальный* характер, *региональные* особенности, которые принято рассматривать в качестве регионального менталитета, то есть биологически, исторически и социально обусловленной системы стереотипов, функционирующей в данном регионе. При номинации объекта и воспроизведении уже готового географического названия выбор того или иного имени определяется контекстом (в широком смысле), то есть определёнными знаниями контекста как релевантных условий адекватного употребления лингвистического знака. Следовательно, у носителей топонимической системы *данного региона* должно быть общее прагматическое и когнитивное пространство. Языковым коррелятом когнитивно-прагматического пространства является ономастическое пространство региона, компонентом которого является *топонимическая микросистема*.

Топонимическая микросистема предполагает наличие системно-структурных отношений и связей; является фокусом представленности бинарных оппозиций, поскольку реально системными должны быть признаны только те противопоставления, которые

¹ См., например: Колшанский Г.В. Указ. соч.; Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

² См.: Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998. С. 71.

³ Дмитриева Л.М. Топонимическая картина мира: отражение бытийных ценностей // Язык. Человек. Картина мира: Мат-лы всерос. конф. Омск, 2000. С.37–41.

существуют в сознании носителей языка данной микросистемы, а не зафиксированы на карте; она достаточно устойчива, стабильна, однако обладает также чертами переменчивости, функциональной подвижности; выступает как упорядоченная, иерархизированная совокупность имен собственных. Внутренняя связь элементов системы обеспечивается не только парадигматическими и синтагматическими отношениями, но и так называемым *единством личности*. Для моделирования организации топонимических микросистем эффективным является обращение к сознанию человека, в котором объединяются как языковые, так и адаптационно-деятельностные модели и в котором происходит связь лингвистических и экстралингвистических факторов.

В связи с этим исследование микросистем переходит от «совокупности названий небольшой территории» к пересечению индивидуальных представлений людей об окружающей местности. Индивидуальный топонимикон определяется сферой культурно-деятельностных интересов носителя. В ходе анализа материала были определены основные факторы, в зависимости от которых могут различаться системы миропредставления: пол, возраст, национальная принадлежность, профессиональная принадлежность, культурный уровень и уровень образования носителей топонимикона, а также геоморфологические условия их жизни. Суммируя основные характеристики, можно дать определение топонимической микросистемы, согласно которому топонимическая микросистема – это совокупность взаимодействующих субансамблей, где субансамбль – присутствующие в сознании отдельной личности (как типа) топонимические единицы (совокупность топонимических единиц, присутствующих в сознании одной личности). Единица-минимум – субансамбль, топонимическая картина мира – это первый уровень сканирования субансамблей. Именно топонимическая картина мира (как представленность сознания) формирует субансамбли. Разнообразие типов микросистем при означенном подходе позволяет представить иерархию микросистем: они могут находиться в отношениях пересечения (АБАБ); параллельности (ААББ); включения (АББА) и др.¹ Синтезировав микросистемы по возрастному, гендерному, профессиональному признакам и признаку образования, получаем синхронную статическую модель микросистемы, в которой достаточно явно проявляется ядерная и периферийная части. При этом в ядерную часть входят не столько ближайшие, сколько важнейшие объекты («Ядро ментально значимо»). Именно такая конструкция в топонимической микросистеме является ведущим в топонимической картине мира жителей данного региона, доминирующим ментальным топонимическим стереотипом организации категоризованного знания о пространственном аспекте мира вокруг объектов, представляющих бытийную ценность (т.е. обеспечивающих оптимальное существование человека как биологического существа).

Системное описание русской топонимии региона, таким образом, может быть проведено с учетом заявленной позиции, поскольку при выделении компонентов системы нужно иметь в виду, что через призму топонимической системы как определяющего, центрирующего начала преломляется отражение реального мира. Развитие онтологической сущности топонимической системы осуществляется через ее отражение в сознании, поскольку всякая языковая система существует прежде всего в сознании конкретного человека.

¹ Дмитриева Л.М. Русская топонимическая микросистема: к проблеме определения // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2001. (В печати).